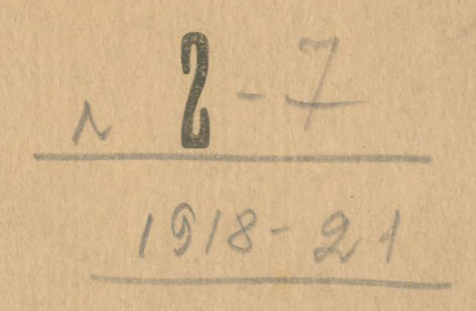
„КНИЖНЫЙ УГОЛ“

КРИТИКА — БИБЛІОГРАФІЯ
ХРОНИКА

Издательство
„ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК“
Петербург.
1918.

„КНИЖНЫЙ УГОЛ".

№ 2.

СОДЕРЖАНІЕ:

От редакціи.

Редакція «Книжнаго Угла» считает нужным пояснить, что оставаясь близкой тому движенію, которое было названо футуризмом, и будучи своими симпатіями на сторонѣ «молодежи в искусствѣ», она публикует в настоящем, и будет публиковать в дальнѣйшем, статьи во многих отношеніях ей чуждыя.

Происходит это потому во первых, что поток самых необычайных событій, начиная с войны и кончая нелѣпицами наших дней, прервал развитіе нарождавшагося футуризма и помѣшал об'единенію вѣрных бунтарству, с другой же стороны выдвинул цѣлый ряд задач совершенно нежданных, главное же—выдвинул их настолько остро и в таких нелѣпых комбинаціях, что многое стало второстепенным, а сýдьбы Россіи, ея настоящее и будущее, породили совершенно неожиданныя взаимоотношенія, сдѣлав из недавних единомышленников—врагов и об'единив в общих задачах людей инако-мыслящих и так недавно враждебных друг-другу.

За прилавком.

II.

От тихих дѣвушек, безысходной мечтательностью исходящих, от изысканно эстетизирующих людей, украшающих свою пустую, бездѣятельную жизнь лоскутами красивости, от всѣх этих пережитков и наслѣдія эпохи, декадансом прозванной, невольно мыслью возвращаешься к находчивости того молодца, который, вот, уже много лѣт тому назад, в вѣк побѣдоноснаго расцвѣта блестящей эстетической культуры, нежданно для всѣх, провозгласил свое знаменитое:

„Дыр бул щыл»...

Или другого, который, вопреки всѣм утонченным правилам изысканных верниссажей, эпатировал на одном из

них собравшихся там эстетных чучел ни то морковью, ни то столовой ложечкой в петлицѣ—сейчас не помню.

Неумно?

Не остроумно?

— Не знаю, но только знаменательно,—это навѣрное, а главное необходимо, тогда было необходимо.

Вот, Андрей Бѣлый в № 2 „Нашего Пути“ кается, что „долго обманывал он читателя, преподнося ему утонченія контрапунктов из образов и красиво отдѣланных фраз“ и „не будучи в состояніи вскрыть своей подлинной точки, заговаривал зубы себѣ самому“.

И даже больше: дарованіе, которое чтил в нем читатель—„фальш, которою мы себя обманываем и закрываем возможность в себѣ стать людьми; убиваем младенца в себѣ, точно воины Ирода“.

Значит и „дыр бул щыл“, и морковка или ложечка чайная в петлицѣ,—вовсе уж не так неумно, как казалось.

Это уж тогда пришел долгожданный младенец, поразившійся „фальшю талантов“, ничего не понявшій в утонченіях контрапунктов из образов и красиво отдѣланных фраз, над которыми, глубокомысленно разбирая іероглифы, сидѣло цѣлое поколѣніе геморроидальных молодых людей.

— Я стану писать, как... сапожник „негодными средствами“,—заявляет А. Бѣлый в покаяніи своем.

Совсѣм как один футурист, доказывавшій, что написанное должно звучать, как скрип немазанных колес телѣги.

Но не поздно-ли для А. Бѣлаго?

Младенец футурист успѣл уже вырости, не загубив в себѣ «младенца», не заговарив себѣ и другим зубы утонченіем контрапунктов из образов и всего прочаго.

Но Бѣлому ли, заматерѣвшему в словоблудѣ, давно уже раздавленному „полновѣсными кирпичами спеціальных изслѣдованій“, ему ли спасать в себѣ младенца и вскрывать теперь свою „подлинную точку“?

Поистинѣ поздно.

И поистинѣ невѣроятно, ибо в том же № „Нашего

Пути“, но в другой статьѣ, Андрей Бѣлый снова воин Ирода, снова—только раздавленный полновѣсными кирпичами фальши и лжи.

Виктор Ховин.

Мнимые стихи Пушкина *).

В пасхальном номерѣ «Нашего Вѣка» Н. О. Лернер сдѣлал драгоцѣнный подарок пушкинистам—напечатал окончаніе пушкинской «Юдиѳи» («Когда владыка ассирійскій...»). Пока, впрочем, он познакомил нас только с выдержками—остальное сохранил для «спеціальнаго научнаго органа». Исторія этой находки довольно замысловатая. Оказывается, сам г. Лернер рукописи не видал, а видал ее нѣкій «инженер-электрик» Зуров, обитатель Харькова, приславшій г. Лернеру копію с нея. При копіи приложено письмо, которое г. Лернер приводит цѣликом (почти четверть фельетона!), как своего рода первоисточник. В этом письмѣ разсказываются замѣчательныя вещи. У инженера Зурова был в Кіевѣ пріятель нѣкто Кащенко; у этого Кащенки жила старуха—кухарка. Кухарка умерла, и послѣ нея остался сундук, а в сундукѣ нашлись письма к ней ея прежних хозяев. Среди этих-то писем и оказалась завѣтная рукопись, вложенная в конверт, на котором так прямо и было написано: «Пушкин от». Впрочем, за «от» г. Зуров не ручается. Он добросовѣстен, как заправскій филолог; «Пушкин»—ясно, а «дальше неразборчиво»—может быть, не «от», а даже что-нибудь другое. Бумага, конечно, с водяным знаком—а именно 1834 года. Год кажется г. Зурову

---

*) Статья эта была написана на третій день послѣ появленія фельетона Н. О. Лернера и послана в одну из петербургских газет. Редакція этой газеты не пожелала ее напечатать, опасаясь выступить против такого авторитетнаго пушкиниста, как Н. О. Лернер. Теперь мистификація раскрылась—извѣстно и имя автора поддѣлки, одного из молодых пушкинистов. Однако печатаемая статья сохраняет свое значеніе и в настоящее время силою тонкаго анализа, примѣненнаго автором статьи к лернеровскому «открытію». Ред.

подходящим, так как, «если ему не измѣняют гимназическія воспоминанія», Пушкин умер в 1837 г. (г. Зуров не стѣсняется своей обывательской беззаботности насчет пушкинской біографіи—однако копію с рукописи сдѣлал с тщательностью, которая привела в восхищеніе г. Лернера). 1834 год оказывается подходящим и по другим соображеніям. Всякій, справившись с Венгеровским изданіем, может легко узнать из примѣчаній того же Н. О. Лернера, что майковскій и онѣгинскій автографы «Юдиѳи» написаны на бумагѣ 1834 г.—естественно, что и продолженіе должно быть на той же бумагѣ. Примѣр трогательнаго совпаденія результатов дедукціи с фактом. К тому же, продолженіе пригнано к тому мѣсту, гдѣ обрывается печатный текст—опять таки вполнѣ естественно: на то оно и продолженіе, чтобы продолжать. Разсказ г. Зурова о дальнѣйшей судьбѣ пушкинской рукописи принимает неожиданно элегическій характер. Кащенко убит большевиками, дом сгорѣл—сгорѣл и кухаркин сундук с рукописью. «Так я и, может быть, русская литература» (как умилительно это «я и русская литература»!) «понесли большія потери», лирически замѣчает г. Зуров. «Я лишился друга, кристально-честнаго человѣка, а литература рукописи нашего великаго поэта». И вот волею судьбы г. Лернер очутился tête-à-tête с зуровской копіей. Остался единственный источник для провѣрки свѣдѣній о рукописи — это бывшіе хозяева кухарки. Но г. Зуров никак не может припомнить их фамиліи. Ему очень это досадно. Помнит только, что «Кащенко говорил, что она говорила», будто они жили в Москвѣ гдѣ-то около церкви Василія Кесарійскаго. Нѣсколько утѣшает г. Зурова то обстоятельство, что, как ему сообщили московскіе знакомые, «такая церковь, дѣйствительно, существует в Москвѣ». Датировано письмо 15—28 марта—обстоятельство, играющее нѣкоторую—может быть, даже роковую—роль во всем открытіи.

Во всем этом г. Лернер сначала сам заподозрѣл—и совершенно основательно — «неостроумную мистификацію». Но, ознакомившись с копіей, пришел в восторг. Он узнал «пушкинскую работу, быструю и лихорадочную»: поправки,

зачеркнутыя слова, риѳмы без стихов и т. д. Но главный довод, на основанiи котораго г. Лернер отметает даже «малѣйшiя» сомнѣнiя в подлинности новоявленнаго произведенiя, это то, что перед нами «результат вдохновенной работы, для котораго потребовался бы талант не меньше пушкинскаго». «Поищи-ка теперь такого!» побѣдоносно заявляет г. Лернер.

Что же представляет собой рукопись? Припомним сначала пушкинскую «Юдиѳь». Нагнетанiе **з** («И зрит: их узкiя врата **з**амком **з**амкнуты... гро**з**ой гро**з**ится высота»), накопленiе тавтологiй («Владыка ассирiйскiй народы казнiю казнил... замком замкнуты... грозой грозится...») придают рѣчи суровую, напряженную сосредоточенность и ведут, как к торжественному разрѣшенiю, к свѣтозарному образу Ветилуи, в котором Владимiр Соловьев недаром увидѣл символ всей пушкинской поэзiи:

И над тѣсниной торжествуя,
Как муж на стражѣ, в тишинѣ
Стоит бѣлѣясь Ветилуя
В недостижимой вышинѣ.

На этом противоположенiи бѣлѣющей в вышинѣ Ветилуи и стоящаго на днѣ ущелья разгнѣваннаго сатрапа обрывается пушкинскiй отрывок. Есть необ'яснимое очарованiе в этой пушкинской недоговоренности. Фабула еще и не затронута, но что-то самое главное уже сказано — продолженiе становится внутренно ненужным. Чтобы не снизить настроенiе—дальше воистину потребовался бы «божественный глагол».

Что за народ в странѣ нагорной
Навстрѣчу не выходит мнѣ?
Кто в сей твердынѣ непокорной?
Кто царь, кто вождь у них в странѣ?

С таким расхлябанным, мутным вопросом («Что за народъ не выходит?»—совсѣмъ по-пушкински!) обращается зуровскiй Олоферн к совѣту «воинственных племен». И эти стихи с вялыми синонимами (царь, вождь), с обгрызанным предложенiем без сказуемаго, с неуклюжим сочетанiем в и сей—якобы должны итти сейчас вслѣд за дивными сти-

хами о Ветилуѣ, гдѣ все подъем, и мысль, и звук. Да одного этого невѣроятнаго срыва достаточно, чтобы сейчас же почувствовать, что это не Пушкин. Рѣчь Пушкина— письменная и устная—отливалась сразу в чистыя, четкія формы. Он просто не донес бы до бумаги такой словесной путаницы:

Бог всякой крѣпости и силы,
Ты предал князей и рабов,
Когда их (?) мщенье поразило
Дѣв посрамленных и бойцов.

Или вот это:

Вновь пожигают іереи
Тук благовѐнящим (?) огнем.

Неужели так писал Пушкин—да еще в 1834 году, во времена «Галуба» и «Мѣднаго Всадника?»

Конечно, легко можно доказать, что в Пушкинских черновиках есть слабые стихи, синонимы в родѣ тѣх, которыми разбавлен язык Зуровской «Юдиѳи» (крѣпости и силы, угрюм и мрачен, царь и вождь), даже сіи и всякіе, спасительное прибѣжище неопытных версификаторов. Но для того, чтобы приписать Пушкину стихи из сундука кіевской кухарки, мало сказать: «Да вѣдь это «черновик! И у Пушкина бывает плохо.» Нужно что—нибудь несомнѣнное пушкинское — такое, в чем, не колеблясь ни секунды, мы узнали бы его голос, его интонацію. А в стихах, которые г. Лернер, соблазнившись marginali'ями, выдает за пушкинскіе, нечего и искать богатства и разнообразія пушкинскаго словаря, смѣлости и свѣжести его эпитетов. На пространствѣ 8 стихов три раза повторен эпитет грозный—при чем прилагается он одинаково к евреям и к ассиріянам: евреи с грозными мечами, ряд ассиріян грозный, царь у них тоже грозный.

Разработка темы даже приблизительно не стоит на уровнѣ пушкинскаго замысла. Это рабское переложеніе библейскаго повѣствованія. Автор цѣпляется за библейскій текст и пушкинскіе мотивы (конечно, побочные), намѣченные в началѣ, как утопающій за веревку. Основная тема— страсть Олоферна и подвиг Юдиѳи—стоит без движенія

(так было и с Зуевской «Русалкой»). Юдиѳь охарактеризована двумя стихами. Любовная сцена сведена к такой выразительной фразѣ Олоферна: «Пей! Сегодня жизнь моя с тобой!» Зато усердно разрабатываются аксессуары. И, конечно, эти аксессуары—только развитіе мотивовъ пушкинскаго начала (бой, угрозы сатрапа, смятеніе еврейскаго народа, его благочестіе). Повторяются цѣлые образы—ждущіе боя бойцы на стѣнахъ, іереи вокругъ алтаря. Эти іереи, которыми начинается пушкинскій отрывок:

Іереи одѣли вретищем алтарь,

завершают лернеровское окончаніе: послѣ всѣх злоключеній

Вновь пожигают іереи
Тук благовонящим огнем—,

благонравная закругленность, несовмѣстная с пушкинским динамизмом, пушкинскими неожиданностями.

Аксессуары лѣзут на первый план—так что в центрѣ оказываются алтари с «пожигаемым» на них «туком» (слово повторяется два раза), благоуханія и пр. Для вящей колоритности пущена в ход вся библейская географія: тут и Доѳаим, и Кіамон, и Галад. Это засиліе аксессуаров весьма характерно для поддѣлок—на этом срѣзался в свое время и Зуев, не сумѣвшій ни на шаг двинуть тему вперед.

Так же безпомощно цѣпляется автор за пушкинскія выраженія и риѳмы. Нѣсколько раз повторяется эпитет горный в примѣненіи к странѣ (в пушкинском началѣ: «к ущельям горным»), пушкинскія риѳмы: нагорный—непокорный, царь—алтарь.

Образы блѣдны и неустойчивы. Сатрап по нечаянности превращается вдруг в царя:

И занимает грозный царь (?)
Всѣ родники...

«Азіец пьяный на ложе падает без сил». Но оказывается, что при этом он лежал «угрюм и мрачен». Какое выраженіе лица может быть у спящаго пьянаго человѣка? Религіозный характер темы снижается воплями еврейскаго народа:

Пусть нас разграбит (?) недруг сей...

Попытка поддѣлаться под божественный язык поэта обнаруживается только в обиліи реминисценцій из пушкинских произведеній (различных періодов).

В лернеровской «Юдиѳи»:

... палима
Душа Израиля...

У Пушкина:

Твоим огнем душа палима.

В лернеровской «Юдифи»:

Златых ночей и дней златых
Не вѣдала вдовством печальным.

У Пушкина:

Богами вам еще даны
Златые дни, златыя ночи...

У Лернера:

Теряет он язык и ум...

У Пушкина:

Язык и ум теряя разом...

Кстати прихвачено из Лермонтова 1840 года:

И красотою безобразной
Юдиѳи сердце привлекал...

У Лермонтова («С. Н. Карамзиной»):

Но красоты их (бурь страстей) безобразной
Я скоро таинство проник...

Будем ждать опубликованія полнаго текста лернеровской «Юдиѳи». Пока и без примѣненія научных методов ясно, что плохих стихов в такой пропорціи Пушкин не писал даже и начерно — и что письмо, отправленное из Харькова 15—28 марта, при нынѣшних обстоятельствах должно было поспѣть к г. Лернеру как раз 1 апрѣля — если не стараго, то новаго стиля.

Александр Слонимскій.

Иллюзія сказа.

Мы всегда говорим о литературѣ, о книгѣ, о писателѣ. Письменно-печатная культура пріучила нас к буквѣ. Слово мы, книжники, только видим; оно всегда для нас—нѣчто неразрывно связанное с буквой. Мы часто совсѣм забываем, что слово само по себѣ ничего общаго с буквой не имѣет—что оно есть живая, подвижная дѣятельность, образуемая голосом, артикуляціей, интонаціей, к которым присоединяются еще жесты и мимика. Мы думаем—писатель пишет. Но не всегда это так, а в области художественнаго слова—чаще не так. Нѣмецкіе филологи (Сиверс, Саранъ и др.) нѣсколько лѣт назад заговорили о необходимости «слуховой» филологіи (Ohrenphilologie) вмѣсто «глазной» (Augenphilologie). Это—чрезвычайно плодотворная идея. В области стиха такой анализ дал уже интересные результаты. Стих, по самой природѣ своей, есть особаго рода звучаніе—он мыслится произносимым и потому текст его есть только запись, знакъ. Но не безплоден такого рода «слуховой» анализ и в области художественной прозы. В ея основѣ тоже лежит начало устнаго сказа, вліяніе котораго часто обнаруживается на синтаксических оборотах, на выборѣ слов и их постановкѣ, даже на самой композиціи.

Мы привыкли к школьному дѣленію словесности на устную и письменную. Но, с одной стороны, былина или сказка «вообще», внѣ сказителя, есть нѣчто абстрактное. С другой (и вот это-то особенно интересно)—элементы сказительства и живой устной импровизаціи скрываются и в письменности. Писатель часто мыслит себя сказителем и разными пріемами старается придать письменной своей рѣчи иллюзію сказа. Есть, конечно, спеціально-письменныя формы, но ими литература (собственно вѣрнѣе—именно словесность) не исчерпывается, да и в них можно найти слѣды живого слова.

Недаром мы обѣднѣли настоящими романами и не умѣем писать их так, как писали Шпильгаген или Зола̀, или старые англичане. Точно утеряли чутье к этой формѣ и раз-

учились техникѣ. Роман—форма смѣшанная и рожденная именно письменной культурой. Роман пишется, а не записывается, и пишется именно для чтенія. Живое слово разсказчика тонет в этой громоздкой массѣ—голоса нѣт. Длительные діалоги, обширныя фактическія описанія, сложность фабулы—всѣ эти условія дѣлают роман именно книгой. Нашъ русскій роман развивался своеобразно и сравнительно недолго—только в шестидесятых и семидесятых годах. Романы Достоевскаго построены на соединеніи страстнаго личнаго тона с драматическими пріемами (развитой діалог и разговор). У Толстого построеніе основано на разнообразіи психологических «сцѣпленій» и на пріемах біографическаго анализа—недаром он начал с «Дѣтства и отрочества». Романы Тургенева—тѣ же новеллы: у него никогда нѣт прочнаго узла для всѣх лиц, хотя их обычно немного; Лизу и Лаврецкаго легко отдѣлить от остальных, составляющих только фон. Поэтому ему так просто остановить развитіе фабулы и в 8 главах подробно разсказывать исторію Лаврецкаго. Для Тургенева это характерно—он всегда стремится разсказывать, он всегда обращается к слушателю. Тургенев «имѣл дар слова и говорил охотно, плавно, любил, кажется, больше разсказывать, чѣм разговаривать», сообщается в одном воспоминаніи. Діалог—слабое мѣсто его романов. В «Запискахъ охотника» он—сказитель, и это его настоящій тон. Его повѣсти именно повѣствуются—онѣ часто даже с внѣшней стороны построены на иллюзіи дѣйствительнаго, непосредственно воспринимаемаго устнаго разсказа, как «Первая любовь», «Разсказ о. Алексѣя», «Гамлет Щигровскаго уѣзда», «Живыя мощи».

Сказка, в сущности, всегда—импровизація. Ея сюжет—только схема, ея запись—только отдѣльный факт. Эти черты примитива сохраняются и в письменной новеллѣ. Новеллист обычно, путем разных пріемов, стремится вызвать впечатлѣніе непосредственнаго разсказа, импровизаціи. Художник вѣдь по существу своему—всегда импровизатор. Письменная культура заставляет его выбирать, закрѣплять, обрабатывать, но тѣм охотнѣе стремится он

сохранить хотя бы иллюзію свободной импровизаціи. Когда это соединяется со строгостью стихотворной формы—получается радостное впечатлѣніе власти художника, впечатлѣніе игры. Так сдѣлан «Евгеній Онѣгин»—непринужденность тона вмѣстѣ с ритмической скованностью рѣчи дѣйствуетъ какъ высшая степень свободной импровизаціи. Не потому ли Пушкинъ и сочинил Бѣлкина, что ему нужен был, хотя бы только в представленіи, опредѣленный тон разсказчика? Бѣлинскому «Повѣсти Бѣлкина» не понравились (с высоты его теоріи), но и он отмѣтил «искусство разсказывать (conter)» и признался, что «их с удовольствіем и даже с наслажденіем прочтет семья, собравшаяся в скучный и длинный зимній вечер у камина». Характерно при этом, что Пушкин еще указал, от кого Бѣлкин слышал эти разсказы, точно желая этим повысить иллюзію непосредственнаго сказа и от писателя возвести их происхожденіе к сказителю: «Смотритель» разсказан был титулярным совѣтником, «Выстрѣл»—подполковником, «Гробовщик»—прикащиком, «Мятель» и «Барышня»—дѣвицею. Недаром сообщается и о том, что старая ключница пріобрѣла довѣренность Бѣлкина «искусством разсказывать исторіи». Эта самая ключница, как говорится в предисловіи, заклеила потом окна флигеля первою частью его неоконченнаго романа. Она была права—Бѣлкинъ никогда бы его не кончил, а если бы и окончил—роман был бы, навѣрно, неудачный.

Гоголь—сказитель особаго рода: с мимикой, с жестами, с ужимками. Он не просто разсказывает, а разыгрывает и декламирует. Характерно, что начал он со сказок и вложил их в уста Рудаго Панька. А потом сам создал особыя формы сказа—с восклицаніями, со словечками всякаго рода.

Прирожденным сказителем, до сих пор неоцѣненным, был и Лѣсков. Романы ему не давались, а такія вещи, как «Запечатлѣнный ангел» и «На краю свѣта»—образцы высокаго словеснаго художества. И опять характерно: и то, и другое передается, как дѣйствительный устный разсказ опредѣленных лиц. В этом смыслѣ его непосредственный ученик—Ремизов. Он всегда сказывает и заставляет слу-

шать. Его письменная рѣчь строится по законамъ устной, сохраняя голосъ и интонацію: «О значеніи слова мурьё скажу словом житія Нифонта: «Разгоняше яко и муры нѣкыя». А когда их кишит великое множество, когда мур на мурѣ и муром погоняетъ,—это и есть мурье самое, наше время военное, осточертенѣвшее, мрак духа, чернь души, тѣлесная мерзость» («Среди мурья» 1917 г., примѣчаніе). Часто он сообщает о происхожденіи разсказов—иногда с характерными подробностями: разсказывала старуха Анна из дер. Подворья или «баба олонецкая на жнитвѣ 1914 г., разсказывала». Недаром искусству разсказывать учится он на народных сказках и древне-русских повѣстях. В древне-русской письменности можно наблюдать борьбу книжности с живым словом. В этом отношеніи необыкновенно интересен протопоп Аввакум, стиль котораго, я думаю, сильно повліял на Лѣскова.

Примѣров можно привести много. Письменность для художника слова—не всегда добро. Настоящій художник слова носит в себѣ примитивныя, но органическія силы живого сказительства. Написанное—это своего рода музей. Для нашего сумасшедшаго, но вмѣстѣ с тѣм творческаго времени характерно это возвращеніе к живому слову. С одной стороны—Ремизов, возвращающій нас к сказкѣ, с другой—Андрей Бѣлый, ломающій обычный письменный синтаксис и прибѣгающій даже к чисто внѣшним пріемам (пунктуація особаго рода и т. д.), чтобы сохранить в письменной рѣчи всѣ оттѣнки устнаго сказа. Филологія тоже должна обратить на это вниманіе. Здѣсь открываются новые пути и для критики, и для изслѣдованія художественной прозы—области, до сих пор очень темной.

Б. Эйхенбаумъ.

Московское любомудріе.

Книжная премудрость подобна есть солнечной свѣтлости, но и солнечную свѣтлость мрачный облак закрывает, а книжную премудрость и вся тварь сокрыти не может.
Азбука XVII вѣка.

Среди издательств русских об'единенных и созданных не жаждою наживы, не исканіем и погоней за мимолетной, многошумной и суетной сенсаціей выдѣлилось опредѣленным, строгим ликом книгоиздательство «Путь». Уже в послѣднее десятилѣтіе XIX вѣка пошатнулись устои бытія русской интеллигенціи: кумирчики и идольчики были свергнуты, «полезныя идейки» преданы забвенію и вмѣсто обычнаго радикально - софистическаго трафарета, вмѣсто казенно-либеральнаго пониманія исторіи русской культуры всплыли совершенно новыя понятія, новыя идеи—с одной стороны воскрешавшія основательно забытое, во время неоцѣненное, свое родное и вселенское любомудріе, с другой—открывшія совершенно новые планы умственной работы, родившія иныя чаянія, радости и печали. Послѣ революціи 1905 года, послѣ «Вѣх»—этой громадной по своей духовной цѣнности книгѣ—перед многими встал коренной вопрос: «Что такое Россія, в чем ея святыня и задача?» Дать отвѣт на это—отвѣт всеоб'емлющій и исчерпывающій—конечно не было и нѣт возможности. Но важно было намѣтить пути к его разрѣшенію, использовать уже накопленныя нами духовныя богатства и способствовать творческому созданію новых, дабы перед лицом родины не походить как прежде на слѣпотствующих учеников в Эммаусѣ с горящим сердцем но невидящими, непроникающими в духовную суть глазами.

Не уподобляясь Иванам непомнящим родства, «Путь» отдал должное уже созданному великими работниками на нивѣ русскаго любомудрія—читатель получил «Русскія ночи» кн. Одоевскаго, сочиненія И. В. Кирѣевскаго, П. Я. Ча-

адаева, Вл. Соловьева. Как видно из одного перечисленія имен славянофилы здѣсь сочетались мирно с западниками—критеріем служила лишь полная независимость мысли, та благодатная свобода о которой можно сказать древними словами: «Гдѣ дух Господень—там свобода».

Русская философія, до сих пор находящаяся в черном тѣлѣ и третируемая свысока дипломированными невѣждами, нашла для себя в «Пути» вѣрное прибѣжище—там вышли монографіи об А. А. Козловѣ, А. С. Хомяковѣ и Г. С. Сковородѣ; в особенности слѣдует отмѣтить послѣднюю—имя Сковороды стараніями фарисеев и книжников было вовсе изглажено из памяти русской. Изданіе сочиненій его попало в варварскія руки «скиѳа» Бонч-Бруевича. А между тѣм Сковорода имѣет право на гораздо большее—этому вдохновенному мистику гордо сказавшему: «Мір меня ловил но не поймал», этому борцу с оземлѣненіем духа человѣческаго принадлежит виднѣйшее мѣсто в русской философіи—в особенности сейчас, в минуты прозрѣванія истинных сущностей, когда мы от души готовы повторить пламенныя слова его: «Вся тварь есть рухлядь, смѣсь, сволочь, лом, крушь, стечь, вздор, сплочь и плочь и плетки». Обѣщаны были еще монографіи о крупнѣйших русских мыслителях—Гоголѣ, Ѳеодорѣ Бухаревѣ, Серапіонѣ Машкинѣ, К. Н. Леонтьевѣ, Ѳ. И. Тютчевѣ и других, но, к несчастью, ильинскій огонь 1914 года испепелил эти планы как и многое другое в нашей жизни.

Дабы закончить обзор ретроспективной дѣятельности «Пути» упомяну еще о переводных книгах изданных им: превосходной по сжатости и цѣломудрію тона «Исторіи древней Церкви» аббата Дюшена, сочиненіях Фихте, Леруа и Зейпеля.

Но не в собираніи и охраненіи святынь осуществляет «Путь» свою задачу—его цѣли болѣе далеки, дерзанія болѣе высоки и созидательны. Об'единив около своего знамени С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, М. Гершензона, Вл. Эрна, свящ. П. Флоренскаго, кн. Евг. Трубецкого, С. А. Аскольдова, Н. О. Лосскаго и Л. Н. Лопатина, «Путь» овладѣл вершинами современной нам русской философіи

и на основѣ знанія понимаемаго в смыслѣ благодатно стяжаемаго гнозиса стал строить храм національно-религіознаго любомудрія. Н. А. Бердяев в «Философіи свободы», С. Н. Булгаков в «Двух градах», «Философіи хозяйства» и послѣдующих книгах, Вл. Эрн в «Борьбѣ за Логос» разными путями в смыслѣ обоснованія идут к одной и той же высокой и святой цѣли — борьбѣ с плоским матеріализмом, невѣжеством, облыжно присваивающим себѣ патент на научность, с обезличиваньем человѣка во имя сѣраго равенства и превращеніем его в болѣе или менѣе усовершенствованный автомат. Эти книги в особенности важны тѣм, что разсчитаны на среду «русских мальчиков» необычайно довѣрчивых и охочих до воспріятія всяческих «вліяній» хотя бы явно нелѣпых и безбожных. Участники «Пути» вооружены западным знаніем и восточной, святоотеческой мудростью—борьба их с убогой семинарщиной, с унылой пошлостью писаревщины и добролюбовщины должна имѣть безусловно побѣдный исход. И Булгаков, и Бердяев продѣлали долгую и тяжкую духовную эволюцію—от топей марксизма и матеріалистической экономики к вершинам національнаго сознанія и единенія в Церкви. Всѣм выше перечисленным писателям я бы охотно дал имя «апологетов Россіи и ея духовной свободы», думая что этими словами касаюсь самой сущности их творческаго дѣланія.

Но все исчисленное можно считать принадлежностью всякаго хорошаго культурнаго издательства. Лишь книги могущія лечь основным камнем новаго міроощущенія составляют необычное явленіе в наши робкіе, стилизующіе дни. И такую-то драгоцѣнность «Путь» нашел в опытѣ православной теодицеи свящ. Павла Флоренскаго «Столп и утвержденіе Истины». То собственно не книга даже, а подлинный словесный маргарит — обогащенный духовным, молитвенным опытом всесторонним, глубоким знаніем, автор теодицеи утверждает софійность міра, прозрѣвая всюду божественное устроеніе его. Форма теодицеи при появленіи своем обратила на себя вниманіе изысканностью и утонченной художественностью; еще больше привлекли к ней вниманіе широчайшая эрудиція ея автора,

его дерзновенно-благодатный гнозис и крѣпкая, несокрушимая вѣра его. Флоренскій раскрывает міру неистощимыя богатства православія пока еще для многих сокрытыя и в этом раскрытіи совершается откровеніе будущих судеб Россіи. Для «Пути» теодицея—драгоцѣннѣйшій залог его творческаго развитія, превращенія из зерна горчишнаго в многовѣтвистое, могучее древо русскаго любомудрія.

Двумя мыслями Достоевскаго можно кратко выразить основныя стремленія «Пути»: «Бог взял сѣмена из міров иных и посѣял на сей землѣ и взрастил сад свой и взошло все, что могло взойти, но взрощенное живет и живо лишь чувством соприкосновенія своего таинственным мірам иным... Омочи землю слезами радости твоея и люби сіи слезы твои... Кто не понимает Православія—тот никогда ничего не поймет в народѣ». Широко и дѣйственно начинаніе московских любомудров—от великих образов первых вѣков христіанства до Владимира Соловьева и Павла Флоренскаго удалось сохранить людям свѣт тихій, свѣт неумирающій истинной мудрости. Лишь при нем можно увидѣть путь Россіи, раскрыть загадку ея, почувствовать ея судьбы. «Земля прилипчива есть» сказал мудрый „старец“ Сковорода и, заразившись этим ея свойством, „сонмище больных изолированных в родной странѣ“—русская интеллигенція попыталась строить русскую храмину. Нынѣ с великим треском и позором рушатся послѣднія скрѣпы этого дикаго начинанія—задачи «Пути» по отношенію к строительству грядущей Россіи да опредѣлятся вѣщим словом Достоевскаго: «Лишь народ и духовная сила его грядущая обратит отторгнувшихся от родной земли атеистов наших. Гибель народу без Слова Божія, ибо жаждет душа его Слова и всякаго прекраснаго воспріятія. От кротких и жаждущих уединенной молитвы выйдет, может быть, еще раз спасеніе земли Русской! От востока звѣзда сія возсіяет».

Димитрій Крючков.

Новое о театрѣ.

В. Керженцев. Творческій театръ. Пути соціалистическаго театра. Издательство «Книга» 1910 г. Стр. 71. Спб. 2 р.

Странное впечатлѣніе производит книга г. Керженцева. В ней есть страницы, способныя глубоко взволновать. Но—увы!—это не тѣ страницы, гдѣ открываются дали новых театральных достиженій, а тѣ, гдѣ автор посылает неистовыя проклятья современности. Яркими штрихами рисует он Нью-Іоркскій Гипподром, не то театр, не то цирк, на безмѣрной эстрадѣ котораго, перед аудиторіей в пять тысяч человѣкъ, проходит безконечная мѣшанина номеров, гдѣ есть все, начиная от арій и танцев лучших европейских артистов и вплоть до фокусников, акробатов и сцен из феерій, поставленных со всей изощренностью машинной выдумки. «Америка потребляет театральное искусство как прожорливый Гаргантюа», говорит автор, и послѣ его наброска вы немедленно чувствуете эту страну, выбрасывающую герою экрана два милліона рублей в год. Автору это ненавистно какъ проявленіе буржуазной культуры. Но он не замѣчаетъ того, что он слишком много дал в своей картинѣ. Успѣх Гипподрома говорит о потребности в таком театрѣ не отдѣльных классов, а широких масс. В зрительном залѣ, по замѣчанію самого В. Керженцева «прослоены всѣ соціальныя группы», и это тѣм болѣе прискорбно, что тип американскаго театра переносится и в Европу для новых побѣдных завоеваній. Что же противопоставляетъ автор этому движенію? Увы!—почти одну лишь мечту о новомъ соціалистическом театрѣ пролетарскаго зрителя. Автор достаточно широк при этом, он готов первый протестовать против перегруженія театра тенденціей. Но в эту плоскость не хочется и переносить спора. Пусть хоть тенденція, лишь бы не Гипподром. А между тѣм слишком многое подтверждает, что и у нас уклон в сторону американизма тоже «прослоился» в толщу низших классовъ. Приведу наглядный примѣр. Г. Керженцев рекомендует пьесу Гольсуорти «Борьба» и драму Гаупт-

мана «Ткачи». Обѣ эти пьесы были поставлены в этот сезон, в пору яркаго идейнаго возбужденія народных масс. Но какой же результат этих постановок? Толпа, вереницей шедшая на боевики кинематографа, оказалась равнодушной къ идейно-значительным пьесам западнаго репертуара. Вопрос о духовном возрожденіи масс обстоит таким образом далеко не так благополучно. Тѣм болѣе подчеркиваем эту сторону дѣла, что г. Керженцев склонен слишком пренебрежительно относиться к интимному театру и единичным достиженіям режиссеров. Театр для передовых зрителей не утратит своего значенія и в будущем, хотя бы в качествѣ той лабораторіи, в которой предвосхищаются пути болѣе широких достиженій.

La Commedia dell'arte или Театр Итальянских Комедіантов XVI, XVII и XVIII столѣтій. Книга, содержащая исторію и догму этого вида театральных представленій, образцы сценаріев, монологов и діалогов, библіографическій указатель и иллюстраціи, написанная Константином Миклашевским и изданная Н. И. Бутковской. Петербург, типографія Сиріус и мастерская издательства. Стр. 111 + XIV. Цѣна 7 р.

Театр импровизацій имѣет на Западѣ не мало самых восторженных поклонников. Стиль свободнаго актерскаго творчества многим рисуется тѣм идеалом, к которому должен стремиться послушный автору исполнитель писанной комедіи, чтобы внести в передачу заученнаго искренность впервые переживаемаго. В том, что современный актер может многому поучиться у импровизаторов, убѣжден и г. Миклашевскій, но это не помѣшало ему соединить в своем трудѣ чисто-театральныя пристрастія со строго-научной разработкой темы. Занятія в Римской Академіи и наиболѣе крупных архивах Италіи дали автору возможность прекрасно изучить тему. Филологическія догадки о названіи того или иного типа, исчерпывающіе очерки сценаріев, сближенія с литературными образцами—все это придает научное значеніе изслѣдованію. В концѣ концов хочется даже сдѣлать упрек автору за нѣкоторую сухость

изложенія. Он слишком многое предполагает уже извѣстным читателям и совсѣм не гонится за тѣм, чтобы путем общих картин вводить их в дух эпохи.

«Огромное вліяніе, которое Commedia dell'arte оказала на Мольера извѣстно всякому», бросает он, напримѣр, мимолетное замѣчаніе. Между тѣм аналогія давно знакомых типов Мольера и их прообразов у итальянцев могла бы быть очень показательной. Эта сухость изложенія об'ясняется, быть может, и тѣм, что изслѣдованіе обрывается в самой любопытной его части—там, гдѣ автор собирается перейти к разбору исполненія и постановки. Эту вторую часть пришлось отложить до того времени, когда вновь будут болѣе благопріятныя условія печатанія и воспроизведенія рисунков. О том, что автор именно здѣсь разовьет с полной силой свой анализ импровизаціонной сцены позволяет дѣлать прочныя догадки недавняя лекція г. Миклашевскаго, в которой очарованія маски, прелесть смѣлой буффонады и грація поз и движеній возстали в живой и яркой картинѣ. В цѣлом монографія г-на Миклашевскаго явится одним из наиболѣе значительных трудов русских авторов о западном театрѣ. Издана книга с большим вкусом. Рисунки сценаріев и типов, как и отдѣльные портреты, воспроизведены очень тщательно.

Ѳ. Коммиссаржевскій. Творчество актера и теорія Станиславскаго. Изд. «Свободное Искусство». Библіотека иллюстрированных монографій. Петроград. Стр. 120. Цѣна 6 р.

У К. С. Станиславскаго, как и у всякаго подлинно-крупнаго дѣятеля, есть дар завораживать своих поклонников. Не только среди актеров и режиссеров, но и среди рецензентов есть люди, для которых все театральное имѣет смысл лишь постольку, поскольку оно связано с планами и достиженіями Художественнаго театра. Ѳ. Коммиссаржевскій—пріятное исключеніе среди этих восторженных послѣдователей maitr'a. В теоріи К. Станиславскаго, симпатичныя ему по существу, он умѣет вносить такія ограниченія, которыя говорят о способности к оригинальному

художественному мышленію. Много интереснаго в первом этюдѣ книги «Актер и фантазія». Не перегружая текст мудреными цитатами, автор с большей убѣдительностью набрасывает теорію игры, исходящей из внутренняго переживанія. Любопытныя справки автора о былых теоріях сценической игры наглядно показывают, как старо то узкое пониманіе естественности, которое предполагает в актерѣ лишь способность повторять лично пережитое. Оно основано на глубоком пренебреженіи к фантазіи и благодаря этому пренебреженію «К. С. Станиславскій пришел от внѣшней характерности сценических типов к внутренней их безхарактерности». Его натурализм «лишает наше сознаніе наиболѣе сложных, творческих его возможностей». Подобные упреки дѣлались и раньше, но в свое время за них записывали в стан безнадежных рутенеров. Пріятно, что теперь эти истины провозглашают и тѣ, кому никак нельзя отказать в готовности усвоить все лучшее в достиженіи Художественнаго театра. Свое у Ѳ. Коммиссаржевскаго—признаніе фантазіи, преклоненіе перед романтикой. Что-то чрезвычайно цѣнное для нашей эпохи исканій угадывается в устремленіях режиссера. В концѣ концов связь взглядов Ѳ. Коммиссаржевскаго с идеями руководителя Художественнаго театра не так велика, чтобы неустанно ее подчеркивать. Но желаніе перваго отмѣтить заимствованія придает чрезвычайно симпатичный тон всему изложенію. Издана книга изящно, но едва ли стоило давать так много снимков постановок Художественнаго театра. Сцены из «Дяди Вани» и портреты Станиславскаго в ролях давно знакомы по журналам, открыткам и альбомам. Между тѣм воспроизведеніе их не могло не отразиться на цѣнѣ книги.

Театр «Летучая Мышь» Н. Ф. Баліева. Обзор десятилѣтней художественной работы перваго русскаго театра-кабарэ. Печатано в художественных мастерских журнала «Солнце Россіи». 48 стр. текста с рисунками в видѣ наклеек и на вкладных листах. Составил Н. Эфрос. Цѣна 15 руб.

Составленіе юбилейнаго очерка—задача, полная исключительных опасностей. Чтобы не впасть в рекламу, надо или исходить из чисто-об'ективных данных или... обвѣять свой очерк такой искренностью восхищенья, которая невольно заставила бы вѣрить, что автором руководит только и единственно желаніе поговорить о любимом предметѣ. Н. Эфрос вступил на второй, болѣе трудный путь и, нельзя этого не признать, вышел полным побѣдителем. В самом стилѣ его легкаго, но полнаго мѣтких сравненій и красивых образов слога есть что-то глубоко гармонирующее со стилем театра художественных миніатюр. С любовью разсказывает он о том, как десять лѣт назад, в день высокоснаго преподобнаго Кассіана, затворника и столпника Печерскаго, под низкими подвальными сводами большого хмураго дома близ Москвы-рѣки весело затрепетала «Летучая Мышь». Автор рисует и первыя интимныя собранія и первыя попытки насадить жанр «маленьких искусств» с их недоговоренностями, с их тѣсными сжатыми формами, сосредоточенною силою, сгущенною красочностью и пикантною заостренностью». Трогательными чертами набрасывает он образ безвременно угасшаго Н. Л. Тарасова, которому особенно близка была «стихія юмора, сарказма, элегической нѣжности и грусти». Много любопытнаго в разсказѣ об имитаціях, когда появлялись перед зрителями буквальные двойники Станиславскаго, Качалова или Шаляпина. Остроумен и анализ дальнѣйших путей, когда театр начал преслѣдовать болѣе крупныя художественныя задачи. Что касается внѣшности изданія, то, конечно, спѣшный выпуск альбома с полусотней крупных клише является большой заслугой мастерской «Солнце Россіи» и при настоящих неблагопріятных условіях печатнаго дѣла дает больше, чѣм можно было бы ожидать. Все же нельзя не замѣтить, что отсутствіе репродукцій в красках не дает сполна уловить характер постановок «Летучей Мыши», порой настолько поражавших гармоніей красочных пятен, что при поднятіи занавѣса у зрителей срывался единодушный вздох восхищенія.

Н. Долгов.

Безотвѣтные вопросы.

I.

В. Брюсов цитирует в «Эпохѣ» В. Розанова:

«А стишки пройдут, даже раньше. чѣм истлѣет бумага»...

И возмущенно оппонирует В. Брюсов:

«Господа представители черни, и Вы, г. Розанов, в их числѣ! Вам давно, и многими, было из'яснено, что о «пользѣ» поэзія не помышляет и приносить оную не собирается... Что в силах принести пользу людям, улучшить, усовершенствовать их существованіе? Наука, просвѣщеніе, высокая культура духа. Но что же способствует этой культурѣ духа больше чѣм искусство» и т. д., и т. д.

Бѣдный, бѣдный, г. Розанов. Шутка ли «отповѣдь» такую пережить?

Но не думаете ли Вы, г. Валерій Брюсов, что у г. Розанова про «стишки»—это немножко серьезнѣе, а главное умнѣе и глубже, чѣм полагали Вы в ражѣ своего возмущенія?

К тому же, не кажется ли Вам, что и г. Розанов, и даже «чернь», знакомы, давно знакомы, с блестящей аргументаціей Вашей в защиту поэзіи?

И как же полагаете Вы, столь основательно вскрывающій в той же статьѣ содержаніе понятій «пошлый» и «банальный»,—как же полагаете Вы касательно своей «отповѣди» Розанову, что она—пошла, банальна, или просто на просто не в мѣру... развязна?

II.

Вышел № 1 литературной газеты «Ирида».

Не газета, а Пантеон какой то.

Недаром у «Ириды» такой величаво-спокойный, исполненный благолѣпія и торжественности тон.

Читаешь когда, если бы только не указанія в передовицѣ на какія то там типографскія затрудненія и еще всякія вскользь брошенныя замѣчанія, кажется, что в Россіи

нашей рѣшительно ничего не произошло и даже наоборот.

Взгляните только хотя бы на заглавіе статьи академика Н. Котляревскаго:

«О нем наше первое слово»!

О ком?

Да, о Пушкинѣ.

Тут Россія разсыпается, прогнившая крошится на кусочки, а академик Котляревскій как застыл на позовчерашнем словѣ, так с мѣста его не сдвинешь.

И всю «Ириду» тоже.

Вы бы, г-да академики и профессора, велирѣчивости и благолѣпію своим хотя бы на минуту измѣнили.

Ну зарычали бы от боли, вѣдь больно же Вам?

Или выругались бы скверно, о благопристойности забыв.

Неужто же из «него» Россію строить собираетесь?

Или же сладким томленьем по «нем» обновить ее хотите?

И не кажется ли Вам, что подпоркам из академическаго благодушія сейчас не выдержать.

Вѣдь не выдержат же?

III.

У лѣваго эс-эра Александра Блока настроеніе душевное не оставляет желать лучшаго.

«Думаю,—пишет он в № 1 «Нашего Пути», не так уж мало сейчас людей, у которых на душѣ весело, которые хмурятся по обязанности».

Значит весело Александру Блоку?

Еще бы не весело было в таком идиллическом настроеніи:

«она (русская революція) лелѣет надежду поднять міровой циклон, который донесет в заметенныя снѣгом страны —теплый вѣтер и нѣжный запах апельсиновых рощ; увлажнит спаленныя солнцем степи юга—прохладным сѣверным дождем»...

Вдыхать нѣжные запахи апельсиновых рощ, конечно, всякому лестно, но вѣдь до сих пор «міровой циклон» таковых до нас донести не успѣл и сам Ал. Блок признается,

что «пока донесет Россіи суждено пережить муки, униженія и раздѣленія».

«Стыдно сейчас, — продолжает Блок, бодростью упоенный, надмеваться, ухмыляться, плакать, ломать руки, ахать над Россіей, над которой пролетает революціонный циклон».

Но не постыдно ли муки и униженія сегодняшней Россіи, ублажать рощами апельсиновыми?

И не отвратительно ли униженную Россію поучать сейчас елейными и паточными словами той же статьи из «Нашего Пути»:

«Не стыдно ли издѣваться над безграмотностью каких нибудь об'явленій или писем, которыя писаны доброй, но неуклюжей рукой? Не стыдно ли гордо отмалчиваться на «дурацкіе» вопросы? Не стыдно ли прекрасное слово «товарищ» произносить в ковычках»?

Не стыдно-ли, Александр Блок?...

IV.

К. Бальмонт написал брошюру под названіем:

— «Революціонер я или нѣт.»

Неужели и этот будет сейчас веселиться на страницах новой брошюры и спѣшить в выраженіи вѣрноподаннических чувств?

Однако оказывается, что этот то как раз и не веселится вовсе, и даже наоборот — изнывает в гнѣвѣ на тѣх, кто «упивается кровью, утирается жестокостью, улыбается убійству и обнимает грабеж».

И про запахи апельсиновых рощ и міровые циклоны в брошюрѣ Бальмонта тоже ничего не сказано.

Но все же и Бальмонт «радуется», правда радуется по своему.

— «Кто я? — спрашивает он.

— Русскій... по происхожденію сын помѣщика и дворянин ...по судьбѣ своей прославленный поэт, имя котораго извѣстно не только в Россіи, но и в Европѣ, и дальше в Японіи, гдѣ у меня есть вѣрные почитатели и преданные друзья.

«Но если я чему нибудь радуюсь особенно глубоко, это

не тому, что имя мое стало озаренным и даже не тому, что судьба даровала мнѣ истинный поэтическій дар»...

А дальше слѣдуют неинтересные разсказы из біографіи, ужасно неинтересные, хотя и вѣрим мы, что у поэта есть почитатели даже в Японіи, отчего разсказы из біографіи рѣшительно ничего не выигрывают, также как и политическія разсужденія Бальмонта о том, что «мір стоит на неправдѣ» и что «всѣ должны пользоваться благами жизни и приникать к красотѣ міра».

Политическіе же стихи Бальмонта, собранные в брошюрѣ, тоже отнюдь не свѣтят отраженным свѣтом озареннаго имени поэта, а по существу дѣла суть просто на просто скверные, совсѣм скверные, и недостойные стихи.

И удивляешься, как в этой брошюрѣ, посвященной «Родному Дому—Россіи», зовущей «во имя человѣческаго достоинства и честной, а не постыдной, жизни—к бою», как много в ней ненужных и часто постыдных слов и как мало о Родном Домѣ.

«Но в мірѣ, гдѣ лгут, все не то»,—говорит Бальмонт. Однако то ли—в послѣдней брошюрѣ самого поэта?...

Виктор Ховин.

Наш Современник.

Так мѣтко назвал Аполлона Григорьева, кажется, А. Блок. Того Аполлона Григорьева, духовный облик котораго не умѣщается ни в какія рамки наших опредѣленій, который не дошел до нашего трафарета или перешагнул чрез нашу формулу.

«Гуляка праздный», пишущій едвали не лучшія свои статьи в с'ѣзжем домѣ, куда недовѣрчивые кредиторы не раз отправляли критика за долги, или при нравственных пытках неудачливой семейной жизни—Григорьев, дѣйствительно, не жил, а скитался. Никому не дано сказать, кто он был: славянофил, западник, «почвенник» и пр. пр. Григорьев остался самим собой, крупной индвидуальностью,

интересным человѣком и неоцѣненным поэтом и писателем. Он обладал быстрым пером, искренностью и пылом, тревожностью в исканіях и не умѣренностью в восторгах— точь-в-точь как неистовый Виссаріон, в талантѣ он не уступал Добролюбову, остер, находчив и буен был не менѣе, чѣм «мыслящіе реалисты» и «критическія личности» послѣдующих годов.

И все таки он пребывал в неизвѣстности, и все таки его сочиненія в полном видѣ только теперь появляются из под спуда на Божій свѣт. Проклятая дѣйствительность прошлаго, часто разцѣнивающая произведенія по тому, сколько скрупулов либерализма и прогрессивности заключается в них, отравила современников критика, они просмотрѣли в нем главное и скоро забыли его. Даже для пріятеля критика, шовиниста Погодина — Григорьев был человѣком который не знает, в каком углу ему Богу молиться, в каком . . . . . . Для западников он был чужой, потому что не подходил под их канон.

Григорьев дѣйствовал и писал так, как ему «говорила кровь», иначе он жить не мог. Поэтому он и погиб и остался забытым, заброшенным. Теперь Григорьев рождается вторично, уже нашим современником, со своей правдивой, глубоко русской; здоровой душой без квасного патріотизма, так помрачившаго самое понятіе — любовь к родинѣ, к отечеству. Его національзм близок и родственен многим из нас, а главное так нужен теперь, ибо «сим побѣдиши».

— «Полное собраніе Григорьева» под редакціей В. С. Спиридонова и «Матеріалы для біографіи» В. Н. Княжнина— труд искупительный за грѣхи отцов наших пред памятью А. А. Григорьева. В изданіе Влад. Княжнина, кромѣ писем и документов литературных и біографических, вошли «Листки скитающагося софиста» и «Мои литературныя и нравственныя скитальчества». Матеріалам предпослана талантливо написанная статья редактора «А. А. Григорьев и Л. Я. Визард». Под редакціей В. С. Спиридонова вышел первый том «Полнаго собранія сочиненій» со «Скитальчествами», и статьями «Русская литература в 1851 г.»,

«Русская изящная литература в 1852 г.», «О комедіях Островскаго». К нему приложен основательно составленный редактором очерк жизни Григорьева и напечатаны примѣчанія, говорящія о больших познаніях автора, глубоком пониманіи творчества критика и капризных изгибов его незаурядной души; там же помѣщена статья внука Аполлона Григорьева, В. А. Григорьева.

А. Поляков.

Неумѣстное политиканство.

Если сапожник напишет на подошвах изготовленной для продажи обуви «я люблю Вас Наденька», или портной вышьет на подкладках «вся власть совдепам»,—это будет неумѣстно. Во—первых потому, что, изготовляя обувь и платье, сапожник и портной выполняют опредѣленное общественное дѣло, в которое не пристало впутывать соображенія личнаго характера, как бы искренни они ни были; во вторых потому, что потребителя совершенно не интересуют романическія или политическія переживанія людей, связанных с ним соціально, а не лично. Навязывать же никто не вправѣ.

Поэты держатся на этот счет иного взгляда. Выполняя свою общественную работу (созданіе поэтических цѣнностей), они находят возможным попутно наговорить уйму вещей из личной жизни, до которой никому никакого нѣт дѣла. Так поэтесса Гиппіус, видимо, недовольная разгоном Учредительнаго Собранія, Брестским миром и пр. большевистскими мѣропріятями, вписывает в сборник своих стихов «Послѣдніе стихи» слѣдующее:

Наших дѣдов мечта невозможная,
Наших героев жертва острожная,
Наша молитва устами несмѣлыми,
Наша надежда и воздыханіе,—
Учредительное Собраніе,—
Что мы с ним сдѣлали...

далѣе:

Пиши миры свои,—ты мой.
И чѣм миры похабнѣй—
Тѣм крѣпче связь твоя со мной
И цѣпи неослабнѣй.

и еще:

О, петля Николая чище,
Чѣм пальцы сѣрых обезьян.

А поэт Блок, явно сочувствующій лѣвым партіям, выражает свои политическія симпатіи так (поэма Двѣнадцать»):

Мы на горе всѣм буржуям
Міровой пожар раздуем...

Стоит буржуй, как пес, голодный
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мір, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

И так поэтесса Гиппіус примыкает к правым, а поэт Блок к лѣвым политическим группам. Превосходно. Но какое дѣло до этого нам, потребителям их стихов? что дало им право заводить с нами политическіе разговоры; с нами, благоговѣйно пришедшими к ним за стихами? И развѣ не оскорбительно такое неумѣстное политиканство и для поэта, и для поэзіи, и для нас, которым стихи—хлѣб насущный.

Отказ от политических тем? Отнюдь нѣт. Темы политическія наряду с прочими (религіозными, романическими, бытовыми) вполнѣ пригодный для поэтических построеній матерьял. Но для этого политика, романтика, религія должны стать темами, претвориться из личнаго переживанія в поэтическій матерьял. Воспѣвающій любовь, как тему—поэт; воспѣвающій «свою» любовь к (имя рек)—только влюбленный рифмоплет.

Сборник стихов—не дневник, а трудовая дань поэта обществу.

Брикъ.

Пыжики.

Хорошо извѣстно: самый сильный—самый смирный.

Главное, мало ему что мѣшает—мало ему что замѣтно.

А вот нахалы, задиры, пѣтухи, даже не пѣтухи, а так, пыжики—тѣ хорохорятся.

Жил большой, необ'ятный, Уитмэн. И увидѣть он умѣл не теперь—много их провидцев двухвершковых послѣ марта у нас (особенно послѣ октября)—а в серединѣ прошлаго столѣтія увидѣл, что старый мір кончен, кончается, должен кончиться, что новое впереди — новый день, новый человѣк и голос у новаго—новый.

Увидѣл; да возьми и скажи.

И какія слова у него, Какой голос!

Только Уитмэн—вот уже сколько времени прошло, и только он, один Уот единый—подлинный провозвѣстник и гимнопѣвец грядущей демократіи—и только в нем не прокатно, а правдой поет:

— Отречемся от стараго міра,
Отряхнем его прах с наших ног!

И в этом весь паѳос Уитмэна.

Зерно его пѣсни: отречемся от всего стараго в мірѣ, отряхнем до послѣдней пылинки старый прах.

Гряди, новый!

«Муза! Бѣги из Эллады, покинь Іонію,
Сказки о Троѣ, об Ахилловом гнѣвѣ забудь!»
К Парнассу табличку прибей:
«За от'ѣздом сдается в наем!»

Муза уже

«здѣсь! На кухнѣ, средь посуды!»

Ее не страшат

«жужжаніе наших машин и рѣзь паровозных свистков,
ее не смущают ни стоки дренажа, ни циферблат газометра».

Потому что

«скончался для нас навсегда этот мір когда то могучій,

Нынѣ опустѣлый—отлетѣла душа!—призрачный опустѣлый міp,
шелками расшитый, слѣпительно яркій, но чужой, королевскій, поповскій!»

Но взрывать его? Свергать? Зачѣм?

Уитмэн его просто не замѣчает.

Ему не до того.

Он творит свою Литургію, слагает свой сегодняшній гимн музѣ на кухнѣ:

— Муза! Я тебѣ принесу наше здѣсь, и наше сегодня!

Пар, керосин и газ, великіе желѣзные пути!
Трофеи нынѣшних дней: нѣжный кабель Атлантика,
И Суэцкій канал и Готардскій туннель.

А для царскаго мѣста—Парнасса, у него только и есть, что табличка, а на ней:

«за от'ѣздом сдается в наем».

И ничего больше.

И разрушать не надо.

А тут кругом только и писку, что в «морду!»

Только и дѣла, что жуют давно сѣдѣющіе зады футуристов.

То—разрушить, Это—взорвать, то—изничтожить.

«во имя нашего Завтра—Сожжем Рафаэля.
Разрушим музеи, растопчем искусства цвѣты! **)

Это какой то Влад. Кириллов.

«Мы сорвем памятники с их п'едесталов, —энтузіазм живой толпы при таком зрѣлищѣ—цѣннѣе мѣднаго идола!»

Это—какой то Луначарскій.

У футуристов хоть цѣль была, èpater, возмутить, поиздѣваться—а у этих?

Epater?—Никого теперь не с'эпатируешь!

Возмутить? Поиздѣваться? Это не всякому дано—и уж, конечно, не этим!

---

*) Переводы К. Чуковскаго.
**) Изд. Пролеткультское.

И сколько их кругом, не пѣтухов, а так, пыжиков, хорохорятся!

Горе! Время не то! У других посмѣялись бы хоть, а у нас, да теперь еще—боязно: а вдруг как и в правду сожгут!

Отпилили же в Москвѣ у Скобелева половину: конь да ноги, на площади стоят! *)

Натан Венгров.

Литературная хроника.

— Московское издательство «Вѣнок» открыло подписку на выходящее в скором времени «роскошное изданіе»—«Подвиги Великаго Александра» М. Кузьмина. Обложка, фронтиспись, концовки и раскрашенные от руки рисунки работы П. Кузнецова. Цѣна на изданіе по подпискѣ 100 р.

— Из-во Пашуканиса открыло подписку на новое изданіе стихов В. Гофмана, выходящее в свѣт осенью.

— Готовится к печати 2-й сборник «Эпоха», в котором между прочим будет напечатана поэма В. Брюсова.

— Из-во Сабашниковых в скором времени приступает к печатанію: 1) Лонгфелло—«Пѣснь о Гайватѣ» (2-е изд. без иллюстр.), 2) Былин, т. I (2-е изд.), 3) Лукіана, т. II, 4) Библіи, 5) Дневника Шингарева (2-е изд.) и 6) Сборника памяти Шингарева.

— Из-во «Луч» выпустило монографію о Бердслеѣ и предполагает выпустить монографію о Ропсѣ.

— В Москвѣ из-во «Шоймер» на днях выпускает монографію о творчествѣ художника Марка Шагала.

В том же из-вѣ печатается Еврейская графика Н. Альтмана.

— По примѣру «Пантеона Міровой Литературы» Сабаш-

---

*) По послѣдним свѣдѣніям ноги тоже убраны, остался конь.

никовых Петербургское из-во Цукермана выпускает комедіи Аристофана в переводѣ с введеніем и примѣчаніями Академика Никитина и профессора Казанскаго Университета Шестакова.

— Из-во «Задруга» предполагает приступить к выпуску литературных альманахов при участіи А. Ремизова, Е. Замятина, А. Чапыгина, В. Шишкова, А. Добронравова, Г. Гребенщикова и др.

— В ближайшее время выходит № 2 журнала «Мысль», который повидимому станет ежемѣсячным изданіем.

— Из-во «Дом на Песочной» готовит книгу стихов Ады Владимiровой.

— Из-во «Сегодня» (Артель художников) выпускает книгу стихов Н. Венгрова «Звѣрушки» (дѣтям). Книга выйдет с большим количеством иллюстрацій работы художников Н. Альтмана, Ю. Анненкова, В. Ермолаевой, Н. Лапшина, Н. Любавиной и Е. Туровой.

— В скором времени в изданіи О. М. Брика выходят отдѣльные выпуски под общим названіем «Матеріалы по исторіи русской культуры». Каждый выпуск предполагается размѣрами не болѣе 1½—2 листов. В настоящее время подготовлены уже к печати два выпуска; 1) «Новооткрытые документы о смерти Пушкина» и 2) «С. Т. Аксаков и его цензорскія неудачи». Выпуски III и IV будут посвящены исповѣди славянофила Ѳ. В. Чижова. К изданію привлекается ряд литераторов и историков литературы. Обѣщаны матеріалы о славянофилах ранняго періода, об И. С. Тургеневѣ и пр. Матеріалы будут выходить под общей редакціей А. С. Полякова.

— При организующемся в настоящее время контрагенствѣ «Имо» (Искусство Молодых), иниціатором котораго является О. М. Брик, открыт уже книжный склад. На складѣ имѣются изданія футуристов, артели «Сегодня», «Очарованнаго Странника», «Союза молодежи», «Авентюры», «Альціоны», «Мусагета», «Триремы» и др. Склад помѣщается по Фонтанкѣ № 5 (у Симеоновскаго моста).

— Репертуарная секція театральнаго отдѣла приступила к переводам и изданію слѣдующих пьес западно-европей-

скаго театра. Французскій театр. Вольтер Чудаки. Скриб. Бертран и Ратон. Нѣмецкій театр. Гуцков. Пугачев. Вильбрандт. Лизистрата. Гракх, народный трибун. Гарборг. Непримиримые. Грильпарцер. Любуша. Демель. Между двумя мірами. Розеггер. В день суда. Хатлебен. Ганна Ягерт. Шауфферт. Отец Бран. Ганс Закс. Масленичныя дѣйства. Испанскій театр. Сервантес. Нуманція. Тамайо-и-Баус. Новая драма. Итальянскій театр. Антони Траверси. Восхожденіе на Олимп. Бон, Франческо Аугусто. Завѣщаніе Фигаро. Гаццолетти. Монолог Колумба. Апостол Павел. Дусакоза. Красный граф. Партія в шахматы. Сильнѣйшій. Дусакометти. Жена изгнанника. Каррера. Странствія цыгана по озерам и морям. Косса. Нерон. Плавт и его время. Юліан отступник. Никколини. Джованни из Прогиды. далль-Онгаро. Маленькій булочник. Роветта. Романтизм. Сомма. Кассандра и др.

— Историко-театральная секція театральнаго отдѣла в ближайшее время выпускает в свѣт «сборник», в котором будут помѣщены: «Некролог И. А. Шляпкина». А. М. Брянскій. «О Мартыновѣ». В. И. Всеволодскій-Гернгросс. «Обрядовый русскій театр» и Библіографическій указатель матеріалов по исторіи театра Россіи в XVIII в. П. П. Гнѣдич. «Репертуар государственных театров с 1881—1890 гг.». П. О. Морозов. «Итальянскій театр и итальянскіе актеры во вторую половину XIX в.». С. Э. Радлов. Искусство античнаго театра и др.

— В ближайшее время выходит 8—10 № журнала «Аполлон» за истекшій год. В нем будут напечатаны статьи: М. В. Бабенчикова, Е. М. Браудо, В. А. Дмитріева, Н. Э. Радлова, В. Н. Соловьева, Я. Тугенхольда и др.

— Открылся второй петроградскій книжный кооператив «Studium», который ставит своей цѣлью снабженіе членов кооператива книгами по доступной цѣнѣ, организацію обмѣна книгами между частными лицами и обмѣна учебниками, как между учебными заведеніями, так и между

отдѣльными учащимися. Всѣ справки о кооперативѣ можно наводить в помѣщеніи кооператива (В. О., 2-я линія, д. 15, кв. 3) у Г. С. Гингера.

Библіографія *).

Художество.

88. Уходящая Москва (Московскіе дворики). В гравюрах Ивана Павлова. Роскошн. изд. М.—100 р.

Останкино. В гравюрах И. Павлова. Роск. изд. М.—100 р.

Сергіев-Посад. В гравюрах И. Павлова. М.—60 р.

89. Обри Бирдслей. Книжная графика. Стр. 95 с 33 рисунками и списком произведеній, иллюстрованных Бирдслеем. Спб.—6 р.

Литература.

90. «Альманах Муз». Кн. I. Пѣсни Любви. Стр. 24 с рисунками. Изд. Васильева. М.—5 р.

91. Бальмонт, К. Революціонер я или нѣт. Стихи и проза. Стр. 48. Изд. «Верф.». М.—1 р. 50 к.

92. Ал. Блок. Двѣнадцать. Скиѳы. Стихи. Предисловіе Иванова-Разумника:—Испытаніе в грозѣ и бурѣ». Стр. 48. Изд. «Революціонный Соціализм». Спб.—1 р.

93. Бунин, И. Собраніе сочиненій. Т. X. Разсказы и стихи. Стр. 192. Изд. «Парус». Спб.—6 р.

94. Гейне, Г. Диспут. (Из еврейских мелодій. Находилось под ценз. запретом). Перевод Е. Рахмилович. Стр. 16. Изд. «Эмбріон». М.—80 к.

95. М. Зенкевич. Четырнадцать стихотвореній. Стр. 2 Из-во «Гиперборей». Спб.—2 р.

96. С. Есенин. Голубень. Стихи. Стр. 78. Изд. «Революціонный Соціализм». Спб.—2 р.

97. Каллиников, I. Стихи. Изд. автора. Орел.—1 р. 25 к.

98. Петр Орѣшин. Зарево. Стихи. Стр. 92. Изд. «Революціонный Соціализм». Спб.—3 р.

99. Скороходов, М. Сирень над камнем («Пѣснь вторая»). Паркет («Пѣснь третья»). Стихи. Стр. 80. Спб.—2 р.

100. Ромашко, И. К. Сны. 61 стр. (Стихи). М. 1918.—4 р.

---

*) Библіографія в № 1 «Книжнаго Угла» доведена до 1-го Іюня 1918 г. В настоящій перечень помимо книг, вышедших послѣ 1-го Іюня, включены и не перечисленныя в предыд. №, но вышедшія в 1918 г.

101. Тагор. Перевод из разных книг в стихах Грузинскаго. Стр. 96. Изд. «Грань». М.—2 р. 50 к.

102. Даманская. Стеклянная Стѣна. Разсказы. Стр. 248. Изд. «Жизнь и Знаніе». Спб.—5 р.

103. Грація Деледда. Тоскующія Души. Ром. пер. Журавской. Стр. 216. Изд. «Сѣверные Дни». М.—4 р.

104. Локк У. Дж. Чудесный год. Роман. Т. I. К-во «Соврем. Пробл.». М. 1918.

105. Морозов, Н. Повѣсти моей жизни. Т. II. Стр. 280. Изд. «Задруга»—6 р. 50 к.

106. Морозов, Н. Повѣсти моей жизни. Т. III. Стр. 264. Изд. «Задруга»—7 р. 50 к.

107. А. Чапыгин. По звѣриной тропѣ. Разсказы. Стр. 190. Изд. Аверьянова. Спб.—3 р. 25 к.

108. Толстой, Л. Воскресеніе. Роман. Текстовая реставрація Б. С. Боднарскаго. Первое полное русск. изд. Стр. 299. Изд. «Народная Мысль». М.—8 р.

Исторія Литературы и Критика.

109. Айхенвальд, Ю. Силуэты русских писателей. Вып. I. Изд. 5-е испр. Т-ва Мір. М. — 10 р.

110. Н. Я. Абрамович. Женщина и мір мужской культуры. Міровое творчество и половая любовь. 2-е изд. Стр. 122. Изд. «Свобода». М.—3 р. 50 к.

111. Венгеров, С. А. Критико-біографич. словарь русских писат. и ученых. 2-е переработан. изд. Т. II, вып. 5. Предварительный список русск. писат. и ученых и первыя о них справки. Спб.—5 р.

112. Буш, В. В. Прив.-доц. Памятники стариннаго русск. воспитанія (К исторіи древне-русск. письменности и культуры). Стр. 118. Спб.—3 р. 75 к.

113. Григорьев, А. Полное собр. соч. и писем. Под ред. В. Спиридонова, со статьями проф. С. А. Венгерова и прив.-доц. В. А. Григорьева. Т. I. Стр. XCIV + 360. Изд. П. П. Иванова. Спб.—10 р. 75 к.

114. Пушкин и его современники. Матеріалы и изслѣдован. Вып. XXIX—XXX. Изд. Комиссіи для изданія сочин. Пушкина при Академіи Наук. Стр. 235 + 16. Спб.—3 р. 50 к.

115. Родзянко, О. Творчество (Бесѣды с Корделіей с прилож. статьи «Эмоціональность и творчество»). Стр. 88—3 р. 50 к.

Философія и Религія.

116. Евангеліе. Перевод и изложеніе Л. Н. Толстого. С примѣч. автора, извлеченн. из его книги: «Соединеніе, перевод и изслѣдованіе 4-х евангелій». С прилож. «Перваго посланія Іоанна Богослова» в перев. Л. Н. Толстого. Под ред. В. Г. и А. К. Чертковых. Изд. Кн-ств «Свобода» и «Единеніе». М.—7 р. 20 к.

117. Пругавин, А. С. Непріемлющіе міра. Очерки религіозных исканій. Изд. «Задруга». М.

118. Н. Рыбников. Религіозная драма ребенка. М. 1918. 16 стр. Изд. Библ. Педагог. Муз. Учит. Дома.—60 к.

Исторія.

119. Захаров, А. А., прив.-доц. Очерк Эгейскаго міра. Стр. 56 с иллюстр. Изд. «Практическія Знанія». Серія Б. (Всеобщая Исторія) № 1.—1 р. 75 к.

120. Сидоров, А. А., прив.-доц. Что такое средніе вѣка. Стр. 62 с иллюстр. Изд. «Практич. Знанія». Серія Б. (Всеобщ. ист.) № 3—4.—2 р.

121. М. Я. Феноменов. Путешествіе в Московію в XVII в. (Русскій народ по запискам иностранцев). Стр. 60 с иллюстр. Изд. «Практическія Знанія». Серія А (Русская исторія № 1).—1 р. 75 к.

122. «Древній мір на югѣ Россіи». Стр. 102 с 6 цвѣтными таблицами и 19 рисунками. Изд. типографіи Левенсон. М.— Ц. в папкѣ—6 р. 50 к.

123. Тарле, Е. В., проф. Запад и Россія. Статьи и докум. из исторіи XVIII—XX в.в. (Сод.: Предисл.; Импер. Николай I и крест. вопрос в Россіи; Импер. Николай I и франц. общественное мнѣніе; Письма Герцена к Э. Кинэ; Герцен и германская государств.; Была ли Екатерининская Россія экономич. отсталою страной? Англійскій посол и Екатерина в 1756—57 г.г.; Соглядатай Наполеона I о русск. об-вѣ; Послѣдніе дни наполеон. арміи в Россіи; Полит. программы 1854 г.; Выдача Л. Г. Дейча; К исторіи 1904—1907 г.г.; Приложеніе). Стр. 219. Изд. «Былое».—6 р. 50 к.

О Россіи и Революціи.

124. Большевики у власти. Соціально-политич. итоги октябрьск. перев. Статьи Д. Розенблюма (соц.-психолог. основы большевизма), В. Чернова (Внѣшняя полит. большев.), Ртищева (Партія стихійно-демобилизующейся арміи), М. Вишняка (Больш. и демократія), Н. Святицкаго (Больш. и Всероссійск. Учред. Собр.), П. Киржанова (В защиту мѣстн. самоуправл.), В. Лункевича (Больш. и интеллигенція), Д. Ракова (Финанс. полит. большев. власти), А. Николаева (Больш. и кооперац.), В. Пана (Экономич. послѣдствія основного закона о соціализ. земли), Н. Кондратьева (По пути к голоду), М. Гендельмана (Больш. и диктатура рабоч. класса). Стр. 291. Изд. Т-ва «Революціонная Мысль». Спб.—10 р.

125. Верховскій, А. И. Россія на Голгоѳѣ. (Из походн. дневника 1914—18 г.г.). Стр. 141. Спб.—5 р.

126. Народ и армія. Статьи Верховскаго, Потресова и др. Стр. 212. Изд. «Дѣло Народа». Спб.—7 р.

127. Керенскій, А. Ф. Дѣло Корнилова. Стр. 194. Изд. «Задруга». М.—6 р.

128. Иванов-Разумник. Год революціи. Статьи 1917 г. Стр. 204. Изд. «Революціонный Соціализм». Спб.—4 р.

Разное.

129. Багрій. А. В. Проф. В защиту цѣнностей духа. (Из отчета по сохраненію памятников старины, искусства и культуры в раіонѣ военн. дѣйствій). Стр. 20. Самара—1 р.

130. Пасманик, Д. О. Судьбы Еврейскаго народа. (Проблемы евр. общественности) Изд. «Сафрут» М. 1918. 237 стр.—6 р.

131. Плеханов, Г. В. Исторія русск. общ. мысли т. I. изд. «Мір» М. 1918.

132. Жорж Деэрм. Живая демократія. С предисл. министра-презид. Ж. Клемансо. Перев. с франц. Е. Тотоміанц. Стр. 49. Изд. «Кооперативный мір». М.—1 р. 50 к.

133. Л. Шишко. Собр. Соч. Т. IV. Статьи по вопросам экономики и исторіи. Стр. 287. Изд. Т-ва «Революціонная Мысль». СПБ.—8 р.

134. Грав, Ж. Умирающее общество и анархія. Стр. 139. Изд. «Бунтарь». М.—2 р. 25 к.

135. Маццини, I. Обязанности человѣка. Перевод с 50-го итальянск. изданія. Н. Вейцлер с прилож. біографіи, написанной проф. В. Тотоміанцем. Стр. 128. Изд. «Кооперативный мір». М.

136. Фурье Ш. Избранныя сочиненія. С предисл. и біограф. Фурье проф. Ш. Жида. Перевод с франц. Р. Фишман под ред. проф. В. Ѳ. Тотоміанца. Стр. 147. Изд. «Кооперативный мір». М.—4 р. 50 к.

Журналы и Сборники.

137. Голос Минувшаго. № 1—2—3. Январь—Февраль—Март. Сод.:—В. И. Волгин. Жан Мелье и его завѣщанія.—П. С. Батурин. Записки (1780—798 г.г.) с предисл. Б. Л. Модзалевскаго.—И. А. Линниченко. Прерванный юбилей.—А. А. Сидоров. Из записок московск. цензора (1909—917 г.г.).—И. Х. Шванебах. Записки сановника (политика П. А. Столыпина и вторая Г. Д.).—М. Е. Федорова. Московскій отдѣл священной дружины.—М. М. Клеванскій. И. С. Тургенев в каррикат. и пародіях (с рисунк.).—А. С. Поляков. Царь Миротворец. Из переписки москов. славянофилов с предисл. А. А. Кизеветтера. — М. А. Цявловскій. Московская охранка в 1915 г.—И. В. Генерал Духонин в ставкѣ.—В. Н. Карякин. Московская охранка о А. И. Шингаревѣ.—Мелочи прошлаго.—Библіографія.—10 р.

138. Русская старина. Январь—Февраль. Сод.:—Статьи подлежащія напечат. в 1918 г.—Отзвуки далекаго прошлаго. А. Ѳ. Кони.—Воспоминанія о Достоевском. А. И. Савельева.—Дневник академика В. П. Безобразова. 1888 г.—Отрывок из неизд. письма Гоголя.—П. И. Вейнберг, И. Ѳ. Горбунов и Д. В. Аверкіев. Сообщил Р. И. Сементковскій.—Петр Великій и шведскіе послы в 1699 г. Перевел со шведскаго Полтарацкій.—Е. Г. Темницына—дочь

великолѣпн. князя Тавриды Потемкина и Высокой особы. Сообщ. Чеважевскій.—Мимоходом. В. И. Мерцалов.—Из старых дѣл. Сообш. М. Ф. Чулицкій.—К воспоминаніям о Т. Шевченкѣ. Сообщ. Т. Чернятынскій.—Пугачевская жалованная грамота на чин полковн. Сообщ. священ. Н. Модестов.—Мои встрѣчи с герм. войсками внутри Россіи наканунѣ войны 1914—16 г.г. Сообщ. Ф. Сурин.—В чужой странѣ. Л. К. Бѣльковича.—Замѣтки. Петроград. обыват. во время русско-нѣм. войны. В. П.—А. Д. Бутовскій. П. Воронов.—Императрица Елисавета и князь Чарторижскій. Сообщ. Е. С. Шумигорскій.—Обзор записок гр. Матвѣева и вновь открытых варіантов их о стрѣлецком полковн. Сухаревѣ. Сообщ. А. В. Лонгинов.—Библ. листок.—Портрет А. Д. Бутовскаго. Стр. 160.

139. Русская Мысль. № 1—2. Январь—Февраль.—Игн. Ломакин. Моя пріятельница. Повѣсть.—Глѣб С. Стихотв.—Джон Гелоуорси. В помѣщичьем домѣ. Ром. перевод. Э. Пименовой.—З. Тулуб. Стихотв.—Е. Урусова. Дядя Пим. Очерк.—Фр. Жамм. Избранныя сказочки. Перев. А. Чеботаревской.—Е. Слуцкій. Стихотв.—К. Мендес. Семьдесят три дня коммуны. Перев. А. Чеботаревской.—Теа Эс. Стихотв.—Ѳ. Сологуб. Наблюд. и мечты о театрѣ.—Кн. Трубецкой. Россія в ея иконѣ.—Н. Н. Шапошников. Земельный переворот и благо народа.—А. С. Изгоев. О заслугах большевиков.—Л. Гроссман. Тютчев и сумерки династіи.—И. О. Левин. Промышленное значеніе Лотарингіи.—Н. Бердяев. Идеи и жизнь.—Критическое обозрѣніе.—8 р.

140. Великій Океан. Книга IV—V.—От редак.—Н. Асѣев. Звѣздный урожай.—К. Рослый. На вечернѣ.—Н. Амурскій. По странам Дальн. Востока.—Н. Новицкій. Домой.—В. Башалов. Письма в деревню о пластич. искусствах.—Н. Спенглер. Чѣм люди живы.—П. План оборудов. портов на побережьи Тихого Ок.—Ф. Музычук Очерки деревенской жизни.—Н. А. О пасынках природы.—Соловьев. Продовольствіе Области.—В. П. Богушевич. Что такое опытное поле?—П. Уткин. Выход к океану.—*** . Отношенія земств и земельных комитетов.—З. Матвѣев. Земство и библіотечное дѣло.—К товарищам кооперат.—Статьи по коопераціи. Н. Бодраго, И. Вегрина, В. Пестрикова.—Хроника.

141. Наш Путь. № 2. Май. Сод.:—С. Есенин. Инонія. Поэма.—А. Бѣлый. Дневник чудака. Отрывок из повѣсти.—К. Эрберг. Враг. Стихи.—А. Чапыгин. Одна душа. Роман. Продолж.—С. Басов.—Верхоянцев. Макар. Сказка.—Ж. Рони. Красный Вал. Ром. перевод с франц. Продолж.—А. Бѣлый. Христос Воскрес. Поэма.—А. Бѣлый. На перевалѣ —Иб. Разумник. Литература и революція.—Е. Лундберг. В своем углу.—По нагорьям искусства. Статьи К. Эрберга, А. Авраамова, В. Держановскаго, Б. Кушнера, Наля, Шах-Эддина.—Мстиславскій. Свое и чужое.—Б. Камков. Пути революціи.—В. Левин. Рабочая жизнь.—Штейнберг. Харьков, Таганрог, Ростов.—В. Трутовскій. Крестьянство и имперіализм.—П. Прошьян. Русская револ. и К. Маркс.—Памяти Плеханова. Критика и библ. Стр. 270.—5 р.

142. Книга. № 1—2 (Янв.—Февр.). Журнал, посвященный вопросам практич. книговѣдѣнія и книжн. торговли. Стр. 64. Изд. Т-ва «Кооперативное из-во». М.—40 к.

143. Народный театр. Журнал (выходит 10 раз в год). Март № 1. Изд. Секціи содѣйствія устройству деревенских, фабричн. и школьных театров при М. О. Н. У. Стр. 32. М.—1 р. 20 к.

144. Бюллетени Литературы и Жизни. Кн. 10. Сод.: Разрушающая и созидающая работа личности. Душа вещей («О вещах», сказочка Фр. Жамма). Интуиція-родник подлинной свободы человѣческой. Футурист о природѣ. Роль соціальнаго воспитанія в развитіи личности. Праматерь нашей культуры (Вопрос об Атлантидѣ). Отзывы о книгах. Указатель книг по вопросам соціальнаго воспитанія. Новыя книги. М.—1 р.

145. Библіографическій Вѣсгник т-ва «В. А. Березовскій». (Бывшій «Вѣстовой») № 243. Стр. 16. СПБ.—50 к.

146. Библіографическій Вѣстник т-ва «В. А. Березовскій» № 244. Стр. 32.—50 к.

147. Чтенія в Общ. Истор. и Древн. Россійских при Моск. Унив. Книга первая. Акты времени Лжедимитрія I (1603—1606 г.). Под ред. Н. В. Рождественскаго.—3 р.

148. Голос Церкви. № 4. Апрѣль. Сод.:—С. Өомичев. Пасхальный звон. Б. Широков. Стихотв.—Н. В. Чехов. Религія в школѣ.—Я. Богатенко. Об организ. музея при Старообрядческом Институтѣ.—П. Власов. К первоначальной исторіи старообрядч.— С. Быстров. По пути от Бога.—Шалаев. Отцы и дѣти. Л. Абрамов. Из дѣтских воспоминаній. — Церковно-обществ. жизнь.—Разныя извѣстія.—В прилож.: Краткая исторія древне-правосл. церкви.

Редакція просит авторов и издательства присылать книги для отзыва и своевременнаго помѣщенія их в библіографическом отдѣлѣ.